

НА ЗЕЛЁНОЙ ПЛОЩАДКЕ

— Витюша, ты где? — спросила из мобильного мама.

Витя растерялся. Срочно убрал громкую связь. Ответил не в тему:

— Ты можешь меня так больше не называть? Я же просил вроде. Можно меня уже по-человечески?

— Ладно. Виктор! Виктор, ты где?

Витя глянул на Лёху и Ярика. Они молчали. Лёха вдруг правой рукой шевельнул. Указательный и средний пальцы так дёрнулись, будто от кого-то убегали. Это была подсказка.

— Ну... мы на Зелёной площадке. Лазаем. В футбик гоняем, всё такое...

Ярик губы вытягивал, глазами хлопал, тоже подсказывал, но непонятное. И уши у Ярика шевелились. Только неясно, уши просто так или тоже для подсказки?

— Очень хорошо, — где-то там у мамы заныла автомобильная сигнализация. — Витька, я сейчас на Зелёной площадке стою. Вас тут нет.

— Да?

— Скажи, что мы в прятки играем, — зашипел Лёха.

Ярик перестал подсказывать и уставился в Лёхин монитор. Они строили новый круглый замок. Уже почти закончили. Сейчас самое интересное начнётся.

Витя помотал головой, хотя по телефону не видно.

— Я тут, рядом. Честно.

Там у мамы снова заныла сигнализация. Наконец мама сказала:

— Витя, давай домой быстрее. У меня к тебе очень важное дело.

Разговор закончился. Надо было уходить.

И непонятно, теперь говорить маме правду или она сама догадается, где он был? Или ей не до того? Что там за дело?

Витя глянул электронный дневник. Норм, ничего нового. Тогда что случилось? Папа приезжает? А нельзя по телефону сказать или написать?

Лёха защёлкал мышью, Ярик сразу заорал и подпрыгнул. Забыл, что Лёха просил тихо тут!

— Лёх! Скелеты прут! Ты чего, факелы не выставил? Как нуб последний.

Тот тоже заорал, хотя сам просил тихо:

— Сам знаю! Куда лезешь?

И Ярик замолк.

Витина куртка валялась в коридоре, на Лёхиных ботинках. Витя её поднял, но не стал надевать — тепло уже. И до дома всего две минуты.

— Всё, парни, я пошёл.

Лёха и Ярик смотрели в экран. Скелеты, наверное, ещё не отступили. Надо было их атаковать, срочно...

— Мама, ты только никому не рассказывай. Хорошо? Понимаешь, Лёхина мама ему запрещает гостей приглашать. А он нас с Яриком позвал. Если ты проболтаешься, ему голову открутят. Он сам так сказал. Так что ты молчи! Поняла?

Мама кивнула.

— Хорошо, не проболтаюсь. Только на всякий случай говори мне, где ты на самом деле. Я не буду ругаться. Мне так спокойнее.

— Обязательно. — Витя швырнул рюкзак в свою комнату. — Я тебе позвоню и скажу: «Мамочка, ты не волнуйся, мы тут по крышам бегаем и на проводах качаемся». И ты сразу успокоишься, правда? Правда?

Витя смеялся. А мама нет.

Она стояла на пороге Витиной комнаты, держала в руках его парадную рубашку — белую, для завтрашнего концерта. Мама молчала. Может, она всё-таки электронный дневник посмотрела? Но сегодня даже троек не было.

— Ну ты чего, из-за Лёхи так сердисься?

Мама села на Витин диван. Рубашка свернулась на её коленях, будто кот.

— Витька, такое дело... Мне сегодня папа написал. Ему новую работу предлагают. — Мама погладила рубашку по рукаву.

— Ну и прекрасно, — на всякий случай сказал Витя.

Сейчас окажется, что папа не сможет прилететь в отпуск. Так уже было.

* * *

Папа в Америке давно работает, с Витино-го первого класса. Некоторые даже думают, что у Вити родители разведены. Это потому, что папа домой не очень часто прилетает, они тут с мамой вдвоём. Ну, значит, этим летом они наконец к папе сами полетят, в отпуск и на каникулы. Вот и всё, наверное. Ничего страшного. Наверное.

* * *

— Когда у папы начнётся новый контракт, мы переедем к нему.

— Куда? — растерялся Витя.

— В Америку. — Мама прижала рубашку к лицу. Чихнула в неё, потом посмотрела на Витю так, будто у него всё-таки тройка

стоит в электронке. Или двойка. — Ты об этом не говори никому, хорошо? Я про твоего Лёшу буду молчать, а ты...

— Он не Лёша, он Лёха. Значит, Лёхе и Ярику про Америку тоже нельзя говорить?

— Да, им тоже. Рано пока. — Мама складывала рубашку. — Я не знаю, может, нам с тобой ещё визу не дадут...

— А когда узнаешь? — Витя включил планшет.

— В середине мая.

— А когда мы улетим?

— В августе или в сентябре. Только это ещё не точно.

— А зачем тогда ты мне это рассказываешь? Если всё непонятно и будет не сейчас.

— Потому что ты вырос. Ты взрослый человек и...

— Мама, если бы я был взрослым человеком, я бы сам мог выбрать, поеду я к папе или тут останусь.

Он это всё сказал, а потом выдохнул. Кликнул на игру. Пока грузилась, вспоминал, на чём они у Лёхи дома остановились, когда мама позвонила.

Скелеты. Факелы. Новый круглый замок. Будто не сегодня играли, а на той неделе. Или в прошлом году.

В личке были новые сообщения. От Лёхи и Ярика, с Лёхиного аккаунта. Витя прочёл, но не мог понять, что ему пишут. Атаки какие-то. Скелеты. Монеты.

Мама всё ещё сидела рядом. Она тоже не знала, что будет дальше. И это было странно. Не страшно, а непонятно. Непривычно.

Тогда Витя вдруг вырубил планшет.

— Мать, нам случайно не надо ничего купить? Хлеба, например?

— Если очень хочешь, можешь за молоком сходить.

— А можно я схожу ещё за чипсами?

Мама посмотрела на него. Витя понял.

— Ну, ок, ладно. За молоком так за молоком. Мать, а вот если мы в сентябре улетим, я ещё здесь в пятый класс пойду или уже сразу там?

— Не знаю. Там, кажется, другие классы. Ты то ли опять в четвёртый, то ли уже сразу в шестой. Там разберёмся потом.

— А если мы улетим, мне сегодня уроки делать надо или уже нет?

— Даже не мечтай. Надо, конечно. — И мама наконец встала с дивана. Рубашку зачем-то развернула, встряхнула.

А Витя тоже вдруг встал. Будто звонок с урока прозвенел и надо срочно идти, пока перемена не кончилась... Хотя он сейчас дома был и никуда вроде не торопился. Не забыть потом у папы спросить, что в американской школе будет с уроками. На каком языке? А каникулы какие и сколько? Длиннее? Короче? А ещё спросить, где они будут жить и какие там дети. По-русски там кто-нибудь вообще говорит?

— Вить, только в магазин и обратно. Никаких площадок! Ни зелёных, ни вообще!

* * *

А Зелёную площадку они с папой сами так называли. Когда Витя ещё даже в школу не ходил, тут главная лазилка была зелёного цвета.

Такая простая совсем лазилка. Кольца, горка, турник и пластмассовая пальма наверху лесенки. Типа джунгли. Поэтому лазилку в зелёный покрасили и листьев разных нари-

совали, как будто ты в джунглях, по лианам и пальмам лезешь... Но лианы такими холодными не бывают, про джунгли всегда плохо придумывалось. Зато про остальное хорошо и быстро, если вдвоём.

В ту осень, когда папа первый раз уехал, на площадке всё поменяли. Но она всё равно была и будет Зелёная. Ну не называть же её Папиной?

Теперь на Зелёной площадке вообще все лазилки другие. Есть красная с горкой, есть синяя с башней, есть с кольцами на цепях, есть с круглыми качелями. Утром тут малыши катаются, а днём приходит народ из школы. В основном класс первый-второй, но нормальные люди, из четвёртого, тоже бывают. И даже из пятого! Те, кто помнит площадку ещё зелёной.

А вечером опять приходит малышня, это они из детсада возвращаются через двор. На площадке сплошь люди, самокат нормально не припаркуешь! А на горке вообще не протолкнёшься. А жаль. Оттуда сверху отлично видны Витин дом, дом Лёхи Черкашина и забор школьного стадиона.

Но сейчас на Зелёной площадке было тихо и пусто.

Витя поставил пакет из супермаркета возле лесенки, забрался на горку, сел, ноги свесил так, будто внизу обрыв скалы и океан, а не три метра до земли. Даже не до земли и не до асфальта, а до резины, типа той, из которой пол в школьном спортзале. Только эта резина в цветочек и очень яркая. Малышова.

Вечер заканчивался, накрапывал дождь. Горка была мокрая и блестела белым металлом, отражала фонари. На школьном стадионе горели прожекторы и кричали взрослые футболисты, а над домом Лёхи Черкашина висел месяц. Крупный и очень острый. Как будто он своими краями облака порвал, чтобы посмотреть, как тут внизу, на Зелёной...

Если наклонить голову вправо, то покажется, что месяц зацепился за край антенны. А если влево — месяц спрячется за Лёхин дом. Даже когда Витя уедет из Москвы, он всё равно сможет играть с Лёхой и Яриком. Они же все трое в Лёхиной команде записаны.